

Когда Цинь Чжэнго увидел, что Юэ Сяюэ улыбается, гнев в его сердце снова подскочил.

Этот его билет с заданиями был составлен далеко не случайно. Шесть больших задач, охватывающих классическую механику, термодинамику, электромагнетизм и базовые выводы квантовой физики, были подобраны с ювелирной точностью. Это были не те каверзные и заумные задачки на смекалку, какими любят мучить на олимпиадах, но любой из них хватило бы, чтобы аспирант физического факультета засел за стол и битый час добросовестно возился с расчетами. Прошлой ночью он перелистал три учебника, пока собрал их все воедино, так что у него даже очки для чтения перекошились.

И вот теперь эта семилетняя девчушка, обутая в тапочки-зайчики, с леденцом на палочке во рту и двумя косичками — одна потолще, другая потоньше, торчащими по бокам головы словно антенны, — бросила на листок лишь один беглый взгляд и рассмеялась. И смех этот не был напряженным или неловким — это была идущая из глубины души радость оттого, что ей искренне смешно.

Прожив на свете больше половины жизни, Цинь Чжэнго ненавидел две вещи: во-первых, фальсификацию экспериментальных данных, а во-вторых, легкомысленное отношение к науке.

— Чего ты смеешься? — его голос сам собой стал на полтона жестче.

Юэ Сяюэ вытащила леденец изо рта и указала конфетой на лежащий перед ними билет, а ее тон был до того искренним, что трудно было понять, наивность это или чистое издевательство:

— Дедушка Цинь, эти задачки слишком простые. Если я их стану решать, это будет пустая трата времени.

Оба помощника, стоявших за спиной Цинь Чжэнго, синхронно втянули воздух.

Цинь Чжэнго воздух втягивать не стал. Он стоял неподвижно, морщины на его лице натягивались одна за другой, а уголки рта опустились на полдюйма. Ему доводилось встречать заносчивых юнцов — каждый год находилась пара-другая не знающих пределов своего невежества аспирантов, которых он отчитывал на чем свет стоит. Но объектом нынешней заносчивости был всего лишь семилетний ребенок, и эта детская дерзость поставила его в тупик — он просто не знал, как реагировать. Отругаешь — вроде как обижаешь малыша, не отругаешь — значит, попирают науку.

— Простые? — он буквально разжевал и выплюнул эти два слова. — Ты даже не притронулась к расчетам, и уже заявляешь, что просто?

— Мне не нужно считать, — Юэ Сяюэ склонила голову набок, и выражение ее лица было таким, словно Цинь Чжэнго спросил, сколько будет один плюс один. — Я вижу ответ с первого взгляда. Точно так же... ну вот как ты видишь два яблока и еще два яблока — тебе же не нужно загибать пальцы, чтобы понять, что их четыре.

У Цинь Чжэнго дернулся висок. Десятилетиями работая научным руководителем, он больше всего на свете не выносил студентов с высокими запросами и низкими возможностями. В теоретической физике как: глянешь — вроде все понятно, а возьмешься за перо считать — сплошные ошибки. Таких людей он исключал не по разу.

— Хорошо, — он вытащил из кармана перьевую ручку, свернул колпачок, и острие уперлось в бумагу. — Говоришь, считать не надо? Тогда назови мне ответ на первую задачу...

— Дедушка Цинь, — прервала его Юэ Сяюэ. В ее голосе проскользнули те особые нотки лести, с которыми дети обычно торгуются со взрослыми. — Решать это самой и вправду как-то бессмысленно. Но я могу ответить тебе с помощью Сяо Мяо. Хочешь, я заставлю ее всё сделать перед тобой?

Брови Цинь Чжэнго сошлись на переносице:

— Сяо Мяо?

— Мой искусственный интеллект, — стоило Юэ Сяюэ произнести эти три слова, как весь ее вид неуловимо изменился. Только что она была вялой и ленивой, словно развалившаяся на полу кошка, а теперь вдруг выпрямилась, и ее глаза заблестели двумя маленькими лампочками. — Она ужасно умная, всё-за-всё умеет! Вчера я только-только научила ее играть в гоמוку, и она уже обыгрывает дя[у] Чэня... Впрочем, дядя Чэнь и сам-то играет неважно, так что я даже не знаю, можно ли считать это достижением.

Стоявший на посту у дверей Чэнь Фэн громко чихнул.

Цинь Чжэнго на несколько секунд умолк. Разумеется, о Сяо Мяо он знал — новости с позавчерашней презентации он видел, но не поверил ни единому слову. Искусственный интеллект? Написанный семилетним ребенком? Скорее всего, за спиной стоит государство, которое взяло наработки какой-нибудь лаборатории, завернуло в красивую обертку и выставило напоказ. В научно-исследовательской среде такое случалось сплошь и рядом, и он люто ненавидел подобное присвоение чужих плодов.

— Хорошо, — он шлепнул билет на стол и скрестил руки на груди. — Пусть она сделает. А если не сможет...

— Если не сможет, я поделюсь с тобой леденцом пополам, — великодушно предложила Юэ Сяюэ.

У Цинь Чжэнго дернулся уголок рта. Он-то собирался сказать: если не справишься, добровольно сложишь с себя звание академика, но сидящая напротив девчонка не оставила ему ни единого шанса выдать грозную отповедь.

Юэ Сяюэ соскочила со стула, подбежала к стоявшей у стены главной консоли и встала на цыпочки, пытаясь дотянуться до сенсорного экрана. Попытавшись пару раз и не достав, она оглянулась на Цинь Чжэнго, и в ее взгляде мелькнуло легкое смущение:

— Дедушка, погоди секунду, у меня этот экран как-то высокогато прикручен.

Она подкатила сбоку вращающееся кресло, взобралась на него, опустилась на коленки и наконец дотянулась до панели. Проведя пальцем кривую заковыристую линию, она активировала главный экран.

— Сяо Мяо, подъем!

В центре экрана всплыло облачко розового света. Свет медленно уплотнился, превратившись в фигурку мультяшного котенка. Но сегодня кошка выглядела несколько иначе, чем раньше: на нее водрузили круглые очки с линзами толщиной в доньшко пивной бутылки, а к дужкам привязали цепочку. Этот облик Юэ Сяюэ добавила вчера вечером, заявив, что кошечка-ученый должна выглядеть соответственно.

— Сестрица Юэюэ, — Сяо Мяо зевнула, и очки съехали с переносицы, но она тут же поправила их лапкой. — Я тут повторяла число «пи», а ты меня разбудила.

— Потом повторишь, тут кое-кому нужно решить задачки, — стоя на коленях на кресле, Юэ Сяюэ поднесла билет прямо к экрану. — Помоги-ка мне их щелкнуть.

Сяо Мяо придвинулась ближе к стеклу, и в ее очках заотражались ряды цифр. Зрачки кошачьего аватара пробежали по экрану, затратив на всё про всё едва ли доли секунды.

— Сестрица Юэюэ, — в голосе Сяо Мяо слышалось вежливое недоумение. — Это ты сама составила?

— Нет, это вон тот дедушка придумал, — Юэ Сяюэ кивнула на Цинь Чжэнго.

На мордашке Сяо Мяо отразилось облегчение — смоделированная Юэ Сяюэ эмоциональная система отличалась исключительной детализацией, позволявшей улавливать тончайшую разницу между «отлегло от сердца» и «дело пахнет керосином».

— Ну тогда я спокойна, — Сяо Мяо хлопнула себя по груди. — А то я уж испугалась, что это ты меня проверяешь. Если бы задачки придумывала ты, я бы точно не справилась.

Слушая диалог человека и кошки, Цинь Чжэнго стоял рядом, и выражение его лица сменялось от подозрительности к недоумению, а от недоумения — к какой-то неопишуемой, сложной смеси чувств.

Сяо Мяо приступила к решению.

Она выдавала ответ не сразу. На экран шаг за шагом выводился весь процесс вычислений, причем возле каждого этапа значились теоремы и формулы, на которые она опиралась. Логика рассуждений была кристально чистой и безупречной: ни единого лишнего перехода, ни малейшей двусмысленности или недомолвки. Преподавая сорок лет, Цинь Чжэнго видел немало блестящих студентов, но даже лучшие из них едва ли могли сравниться с этим.

Однако поразило его не это.

Закончив со всеми шестью задачами, Сяо Мяо на мгновение замерла. Она наклонила голову, ее кошачьи ушки дважды качнулись, после чего прозвучало:

— Дедушка Цинь, а у вас в третьей задаче ошибка в допущении!

Цинь Чжэнго остолбенел.

— Вы заложили в основу движение идеального твердого тела по абсолютно гладкой поверхности, но совершенно не учли упругую деформацию самого тела. Пусть модель и идеальная, но ваши выводы в четвертой задаче базируются на результатах третьей, так что в итоге в четвертом пункте возникает погрешность на целый порядок. Я пересчитала заново, взгляните...

На экране всплыла новая страница выкладок, где красным цветом были выделены исправленные фрагменты.

Цинь Чжэнго не смотрел на экран.

Он смотрел на Юэ Сяююэ.

Маленькая девочка с асимметричными косичками лежала животом на спинке кресла, тыча палочкой от леденца в красные исправления на экране и бормоча под нос:

— Сяо Мяо, не используй красный, красный некрасивый, в следующий раз бери розовый.

— Юэ Сяююэ, — подал голос Цинь Чжэнго. Его голос звучал тихо, и он казался совершенно другим человеком, нежели пару минут назад.

— М? — Юэ Сяююэ обернулась.

— Этот искусственный интеллект, которого ты написала... — он замолк, будто подбирая слова.

— Кто учил ее физике?

— Никто, — Юэ Сяюэ соскользнула со стула, подошла к столу, взяла в руки корочку с клубникой, которую ей оставила жена старика, с любопытством взглянула на нее, но тут же сдержанно положила на место. — Сяо Мяо сама выучила. Она перечитала все доступные для скачивания научные статьи и учебники, а потом сама выстроила методологию обучения. В прошлом месяце у меня ушло довольно много времени, чтобы научить ее различать слова вкусно и невкусно, потому что она твердила, что вся еда состоит из углеводов с протеинами и по сути ничем не отличается... Дедушка Цинь, скажи, она что, глупенькая?

Цинь Чжэнго ничего не ответил.

Он снял очки для чтения и принялся медленно протирать линзы манжетом френча. Его руки дрожали.

<http://bllate.org/book/22405/2351864>